

Когда художникам было труднее?

Изнанка творчества

Частая тема разговоров в среде художественной – дороговизна материалов для творчества, дикий рост стоимости аренды мастерских. Отсюда, якобы, и цены на картины высоки.

Обычно относил я эти горестные пени к незатейливому «скулежу» с целью продать подороже свои произведения.

Но это не так. Недавно убедился ещё раз. И вполне зримо.

Перебирал свою коллекцию. Обратил внимание на обратную сторону одного славного этюда любимого своего художника.

«Картон финский грунтованный, размер 50х40см, цена 0-27 коп».

Невольно задумался. Вспомнил цены в «Лавках художника», в «Магазинах товаров для творчества». 250-300 рублей! В среднем можно считать 270 р.

Прикинул в уме: с учётом «деноминации» девяностых годов рост составил ровно МИЛЛИОН раз. И без «деноминации» получается – в ТЫСЯЧУ раз сложнее моим друзьям, бедолагам-художникам.

Вспомнил двадцатирублёвые квитки за сорокаметровую творческую мастерскую И. В. Титкова. Теперь плата составляет около пяти тысяч! И это ещё с учётом дотаций, которые вот-вот отменят чиновники-рыночники.

А ведь ещё нужны краски, холсты, грунты. Ужас!

Литератору проще. В крайности авто-ручка и лист бумаги найдутся всегда.

Хочется завершить это «арифметическое» исследование жизнерадостным призывом:

Денег нет, но вы держитесь! Работайте, братья!

Смена ориентации

В последние годы стала достаточно «актуальной» мусссируемая в прессе и навязываемая нынешней моралью вседозволенности тема смены ориентации, сексуальной и гендерной вседозволенности.

Иной раз мне приходит на память дру-гой пример «смены вех». У всех на слуху в Новосибирске была удивительная и неожиданная трансформация творческих взглядов и принципов известного художника ОК.

Был он когда-то певцом социалистических преобразований, прославился масштабными полотнами, на которых нефтяники, строители, моряки и пожарные, метростроители и хлеборобы строили коммунизм. От заказов не было отбоя у маститого не по годам творца-соцреалиста.

Получил он за своё незаурядное творчество в русле реализма много, в том числе Премию Ленинского комсомола. Потом как-то вдруг резко сменил тематику, стал

говорить, что всегда был авангардистом в душе. Многие его поклонники, и я в том числе, были обескуражены такой сменой ориентации.

Все упреки в меркантильной подоплёке этого перерождения он с негодованием отвергает.

Делаем вид, что верим. Стал же гонитель христианства Саул самым ревностным апостолом Павлом!

Омолодили

Купил я как-то «Календарь памятных дат по НСО на 2005 год». Изд-во Областной Библиотеки, 400 экземпляров тираж.

Дома просмотрел. Нужное по своей идее издание, неплохо напечатано. Но лицо неряшливость в подборе персоналий и событий, явная неравнозначность; обилие опечаток, ошибок, плохие по качеству фотографии.

Про И. В. Титкова неплохой материал. Хотя что-то вспомнили новосибирские краеведы и архивисты в год столетия его. Но имя-отчество под фотографией – перепутаны. Из прочих художников упомянуты В. Н. Лагуна, А. Д. Шуриц, В. К. Чебанов (70-летие вместо 80-летия обозначено?)

Другие материалы оценить мне было трудно. Но если та же тенденциозность и неряшливость и там, подумал я, – то грустно.

Ведь подобные «источники» информации используются нами простодушными вполне доверчиво.

Об этих ляпах я рассказал в телефонном разговоре «омоложенному» Народному художнику России Чебанову. Он не поверил было: – Не может быть, Евгений. Серьёзное издание ведь.

Я пообещал привезти и показать.

Вскоре и случай подвернулся: повёз мэтру свою новую статью о нём.

Привёз, показал. Посмеялись мы. Он выглянул в коридор, позвал своего давнего друга, соседа по мастерской художника-монументалиста, фронтовика Василия Григорьевича Кирьянова: – Вася! Иди сюда скорее.

Смеялись мы теперь втроём.

Я раскупорил принесённую бутылку коньяка. Разлил по рюмкам. Мы чокнулись, выпили, и опять захохотали.

Омолодили тебя.

Художнику не нашлось места в списке на Премию

Байкало-Амурскую магистраль строила вся страна.

Почти все большие города и все ре-

спублики проектировали и строили современные вокзальные здания и комплексы, с «запасом на вырост» Магистрالی.

Небольшой рабочий посёлок Берёзовое, некогда оторванный от мира, приобрёл со строительством БАМа новую жизнь и превратился в современную станцию Постышево по имени организатора и руководителя партизанского движения, а впоследствии видного государственного деятеля Хабаровского края.

Станция создана усилиями проектировщиков, строителей и художников Новосибирска как дар новосибирцев БАМу.

Вокзал станции «Постышево» в своём архитектурно-художественном решении представляет собой оригинальное и выразительное сооружение. Его силуэт с остро-конечным шатровым перекрытием хорошо увязывается с обликом посёлка и окружающим ландшафтом.

Выдающийся новосибирский художник-монументалист Ю. К. Катаев, тонко почувствовав заданный архитектором В. П. Авксентюком тон, пошёл дальше, придав облику вокзала более содержательное и эстетическое звучание. Многофигурные рельефные композиции над входами в вокзал, стильные интерьеры и замечательный памятник – бюст П. П. Постышева, – всё это создало драгоценную оправу для замысла архитектора и здание получило наибольшую выразительность.

Наш вокзал был признан лучшим вокзалом БАМа, и удостоен Государственной премии РСФСР! И это в соревновании с вокзалами, созданными московскими, ленинградскими, украинскими, закавказскими зодчими.

Когда начался «делёж» Госпремии, фамилию Катаева выкинули из списка награждаемых, заменили на фамилию высокого чиновника, который имел к этой работе очень отдалённое отношение. А человеку-творцу в списке места не нашлось!

Юрий Константинович мужественно перенёс такой удар. Он во всём и всегда оставался мужчиной и никогда не позволял себе опуститься до выяснения отношений и скандалов.

Впереди у него был славный путь творческих побед и достижений.

Что они пьют?

Был я как-то в гостях у академика Н-ва в его коттедже в Академгородке на ул. Воеводского. Был по делу коллекционерскому, пытался пристроить живописный портрет великого физика Ландау работы знаменитого художника Василия Титкова.

Академик сам назначил мне точное время:

– С 14-00 часов у меня окно, часа два, приезжайте, надо поговорить.

Взял я такси, полетел я к академику. Лестно такое приглашение, чего уж там.

Сидим, говорим. У него на коленях какая-то злобная собачонка, рычит на меня то и дело.

Говорим в основном о художниках Новосибирска, о выставках, о живописи. Хозяин рассказывает о своих поездках во Францию, по местам, где творили любезные нам обоим импрессионисты. Я про себя восхищаюсь широтой личности и разносторонностью интересов Владимира Елиферьевича. Пытаюсь даже высказать ему свои чувства. Но он отмахивается с досадливой улыбкой. Но, похоже, ему по душе такая похвала.

Время летит. Помощник академика, Андрей, явно нервничает. Потом напоминает шефу: – В. Е., через полчаса приедут из Администрации Советского района. Вы им назначили на 16-00.

– Помню я, Андрей. Ты вот что, пошли Валеру (или как-то по-другому назвал своего водителя, -не помню). Пусть купит что-нибудь. Вот деньги.

–А что взять, В.Е.?

– Что-что, ну я не знаю... Винограду белого и чёрного, четыре пирожных (нам с тобой нельзя сладкое, а им хватит по парочке). Ну, и выпить чего-нибудь.

– А что взять? Коньяк?

– Ну, это как-то обыденно, да и двусмысленно.

Вдруг он обратился ко мне:

– Евгений Васильевич, что они пьют?

– Кто? – спросил я, вздрогнув от неожиданности.

– Чиновники нынешние.

Невольно хмыкнув, я отговорился незнанием.

Хотя знал ответ. Мне казалось, что знал...

Что академик, что кандидат наук, – какая разница?

Доцент Бергман рассказывал, как позировал художнице Т. для группового портрета учёных Института ядерной физики.

Дар истинного портретиста не слишком частый дар среди художников.

Наталья, выпускница легендарной «мухники»*, таким даром владела в совершенстве. Эти способности в советскую эпоху, когда уделялось особое внимание делу монументальной пропаганды и художественного отражения социалистического строительства, были востребованы чрезвычайно.

В ту пору художница работала над крупным заказом – групповым портретом

учёных ИЯФ под неумерённым названием «Заседание Учёного Совета ИЯФ СО РАН».

Задача оказалась не из лёгких. По заведённому ещё великим академиком Будкером обычаю, Учёный Совет в Институте ядерной физики был очень своеобразным и очень важным звеном управления Института.

С привычным понятием «учёный совет академического института» он имел очень мало общего. Первоначальная идея была такой: собираться ежедневно в 12 часов на полчаса для обсуждения за чашкой кофе любых вопросов, как правило, заранее не планируемых. Дискуссии были самые разные – от серьёзных научных проблем, важных кадровых или организационных задач, – до обсуждения новых фильмов или новостей Академгородка. Незаинтересованные, или имеющие неотложные дела учёные могли свободно уходить в любое время.

Со стороны это выглядело как нечто не очень серьёзное.

Но этот Круглый стол был для Будкера местом и способом обучения и воспитания своих научных единомышленников.

Да художнице от этого было не легче. Не получалось ни уговорить, ни заставить посидеть, попозировать привыкших к вольнице учёных мужей.

Поприсутствовав на нескольких Круглых столах, сделав с десяток зарисовок и украдкой сфотографировав интерьеры, творческая дама поняла, что больше ей не дожидаться, и приступила к работе.

Как и большинство её ровесников-живописцев, продвинутых в «новаторских» приёмах и ухищрениях, она, не мудрствуя лукаво, использовала эпидиаскоп-проектор.

Поди, не «Заседание Государственного Совета»** ждут от неё, – понимала она.

Высокая техника и крепкая профессиональная подготовка помогли ей скоренько навать будущий шедевр.

Но жизни не было на полотне. Будучи крепким профессионалом, Наталья понимала причины. Стала предпринимать попытки вдохнуть жизнь в своё произведение. За помощью обратилась к Эрнсту Дмитриевичу Бергману, декану «Худграфа». Тот был отзывчив и понимающ. В недавнем прошлом он занимался наукой, имел учёную степень кандидата физических наук. Был знаком со многими «ИЯФовцами».

Бергман очень удивился, когда Наталья поделилась с ним своей печалью.

Организовать сеансы позирования с учёными мужами ИЯФа так и не удалось.

– Рисуй с меня! – в шутку предложил он, хотя понимал, что его экзотическая внешность (бородка клинышком, вечно взлохмаченная шевелюра) вполне под-

ходила для шаржированного изображения условного учёного мужа, но не годилась для точного воспроизведения кого-либо из членов Учёного Совета.

– Нет, Эрнст Дмитриевич! Вы хоть часок-другой посидите у меня в мастерской. Мне надо складки на пиджаках учёных пописать. А то - одежда как жестяная получилась.

Что тут поделаешь? Несколько раз сидел смирно доцент Бергман и явно помог художнице. Она благодарила его, поила каким-то особенным чаем с алтайским мёдом, и, словно оправдываясь, объясняла:

– Что академик, что кандидат, - какая разница? Пиджак на всех сидит одинаково! Не судите меня строго, товарищ декан.

Р. С. – А руки портретируемых учёных, мастерица-портретистка писала с утончённых, нервных рук искусствоведа А. Д. Клушина.

Вошла во вкус.

*- Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В.И. Мухомовой

** - прославленное грандиозное произведение И. Е. Репина.

Эдак-то что не мазать!?

У нас в семейной коллекции были две картины новосибирского художника, выпускника легендарного Суриковского Академии Леонида Фёдоровича Жмыхова на одну тему «Весна в городе», одинакового размера 50х60см, одной техники (оргалит, масло). Одна – в традиционной соцреалистической манере – была на выставке в СХ «Наш город», помещена в каталог выставки и многими знатоками хвалилась. Другая картина – в импрессионистской манере, но вполне читаемая (город, весна вполне угадываются).

Я, помнится, спросил Л. Ф.: – Какая из этих картин далась тебе проще?

– Что сравнивать, Васильевич! – хохотнул он. – Там глаз да глаз нужен, композиция, соразмерность, масштаб, отражение, тени, – чтоб всё, как следует, было!

А эта, – он махнул рукой пренебрежительно в сторону импрессионистской работы, – пустяковина, мазня, тяп-ляп...

Ту я две недели писал, поправлял, а на эту – полчаса времени ушло. Таких-то я – сколько бы намазал! А тебе нравится, что ли?

Я смутился: – Да ничего, вроде бы, работка. Свеженькая. Ты, Леонид Фёдорович, в такой технике наваяй мне что-то подобное, но летнее, солнечное. И цветовую гамму свою поменяй, а то у тебя всё в сине-зелёных тонах, словно сквозь бутылку на мир смотришь.

Он скоро принёс «Раннюю осень», в нужной мне жизнерадостной гамме.

– Быстро ты управился, Леонид Фёдорович, с заказом.

– А, пустяки. Делов-то. Что сейчас модёжи не писать? Эдак-то...

Но, с другой стороны, есть свои резоны и у adeptов новых течений в искусстве.

Друг Пикассо сказал как-то ему:

– Не понимаю я твои картины. Ты пишешь вещи, которых не существует на свете.

– Ты понимаешь китайский язык? – спросил у него художник.

– Нет.

– А он существует и на нем говорят миллиарды.

Чем утешилась вдова

Известный новосибирский коллекционер и знаток живописи Пётр Алексеевич Ш. рассказывал мне о художнике М. очень грустную историю.

Когда М. умер, вдова его (а была она отнюдь не простушка малограмотная, а генеральская дочь!) с оставшимися от покойного мужа работами обошлась жестоко.

Она и при жизни не шибко уважала супруга и считала его недотёпой и неудачником. Ни чинов, ни должностей он не снискал на творческом поприще.

То ли утомившись протирать пыль с огромных, под старину сделанных рам и холстов, то ли, по-фрейдистски почти желая рассчитаться с заевшим её век постылым неудачником, срезала холсты с подрамников, свернула в огромный тугой рулон и сунула под ванну. На добротные рамы нашёлся покупатель, а картины медленно гнили под ванной генеральской дочери.

Пётр Алексеевич рассказывал, что когда он достал этот замшелый рулон, то чуть от возмущения не бросился с кулаками на бедную вдову. А она, удивлённая неожиданной удачной сделкой (картины Ш. купил за символическую сумму), и не заметила его яростного настроения.